

A man with a beard and mustache, wearing a white chef's shirt and a blue and white striped apron, is looking directly at the camera. He is in a kitchen setting with shelves of glassware and hanging utensils in the background. The text is overlaid on the image.

Рецепт идеальной катастрофы

Радик Яхин

Радик Яхин

Рецепт идеальной катастрофы

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Рецепт идеальной катастрофы / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

Шеф-повар с звездой Мишлен, известный своим скверным характером, ищет ассистента для написания кулинарной книги. Я девушка, которая умеет готовить только яичницу и тосты. На собеседовании я случайно поджигаю его кухню. Вместо того чтобы выгнать, он берет меня на работу, чтобы научить готовить хотя бы макароны. Финал: Мы пишем книгу Любовь и макароны, которая становится бестселлером, а я учу его готовить... счастье.

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

Рецепт идеальной катастрофы

Глава 1: Идеальное резюме для идеального провала

Утро, которое должно было стать началом новой жизни, началось с дыма. Густые, едкие клубы валили из старой советской тостерницы, которую Алиса принципиально отказывалась менять на современный агрегат. Она называла это «винтажным шармом». Соседи снизу называли это «пятой попыткой поджога за месяц».

— Ну чего тебе опять не так? — ласково спросила Алиса у тостера, пытаясь выковырять обгоревший ломоть батона ножом. Тостер в ответ обиженно щелкнул и выплюнул угольки ей на тапок.

Алиса вздохнула, собрала хлебное пепелище в мусорку и открыла окно. Двадцать семь лет, высшее филологическое образование, диплом с отличием и полное отсутствие карьерных перспектив. Её жизнь была похожа на тот самый тост — горелая корка снаружи и совершенно сырая середина внутри.

Она жила в малюсенькой студии на окраине, которую делила с огромным кактусом по кличке Колючка и роем тараканов в собственной голове. Тараканы эти были не простые, а амбициозные. Один нашептывал: «Ты должна написать великий роман!», второй: «Иди работать в офис, стабильность превыше всего!», а третий, самый вредный, просто требовал пиццу.

Сейчас Алиса работала в антикафе «Тишина», где посетители платили за время, а не за еду. Её обязанностью было следить, чтобы никто не умер с голоду, предлагая бесплатные крекеры и следить за чайником. Коронным блюдом, которое Алиса могла приготовить с закрытыми глазами (и часто готовила, потому что глаза по утрам не открывались), была яичница-глазунья. Правда, у неё был один недостаток: она всегда получалась с укором. Два желтка смотрели на едока с немым вопросом: «И это всё, чего ты добился в жизни?».

Сегодня был особенный день. День, когда Алиса твёрдо решила изменить свою жизнь. Вдохновением послужил вчерашний вечер, когда она пересмотрела старую запись «Дьявол носит Prada» и поняла: она готова быть ассистентом даже у самого страшного тирана, лишь бы это вело к чему-то большему. К литературе. К текстам. К чему-то, где она сможет использовать свой диплом, пылящийся на полке рядом с кулинарной книгой, купленной за три копейки и открытой лишь однажды — на рецепте яичницы.

Пока Алиса боролась с тостером, в центре города, в ресторане «Эстетика», жизнь текла по струнке смирной. Буквально. Метрдотель Игнат линейкой проверял расстояние между приборами на столах. Официантки передвигались бесшумно, как рыбы в аквариуме. А на кухне царил Он.

Дмитрий Воронцов. Шеф-повар. Гений. Человек, при взгляде на которого майонез сворачивался в ужасе, а оливье начинало молиться о пощаде. В свои тридцать четыре он уже имел звезду Мишлен, собственную передачу на кулинарном канале (которую ненавидел за то, что приходилось улыбаться) и репутацию человека с характером кислее лимона, который забыли в холодильнике на год.

Сегодня Воронцов был не в духе. Впрочем, в другом духе его никто и не видел. Причина была веской: сбежал очередной литературный ассистент. Пятнадцатый за последние полгода. Издательство требовало от Воронцова книгу. Не просто сборник рецептов, а «живой, искренний текст, который передаст душу автора». Воронцов был готов передать душу, но только в разобранном виде, вместе с потрохами этого требовательного редактора.

Писать сам он ненавидел. Диктовать — тоже, потому что ассистенты либо тупили, либо боялись, либо пытались «улучшить» его стиль. Вчерашняя девушка, филолог с красным дипломом, расплакалась, когда он сказал, что её метафора про «соус, ласкающий небо, как первый поцелуй» — это литературный понос. Она ушла, хлопнув дверью, и Воронцов остался один на один с пустым файлом в ноутбуке и гнетущим чувством, что проще написать «Войну и мир» от руки, чем найти адекватного человека.

— Воронцов, — в динамике раздался голос управляющего, — вам резюме скинуть? Ещё одна кандидатка.

— Сколько ей лет? — устало спросил Дмитрий.

— Двадцать семь.

— Замужем? Дети?

— Нет в резюме.

— Значит, будет реветь из-за парня. Не надо. Хотя... стой. Что там про кулинарный опыт?

— Написано: «приветствуется». А у неё... Хм. В графе «особые навыки»: «Умею варить пельмени, не разваривая их в кашу».

Воронцов закрыл глаза. Это был приговор. Но выбора не было.

— Пусть приходит. Завтра в десять.

На ту самую вакансию Алиса наткнулась случайно, листая ленту в телефоне, лёжа на проваленном диване. Заголовок гласил: «Литературный ассистент (ghostwriter) для шеф-повара. Работа с текстом, запись рецептов, создание книги. Кулинарный опыт приветствуется».

Сердце Алисы пропустило удар. Работа с текстом! Книга! Это же шанс! А то, что шеф-повар... Ну, подумаешь, будет говорить про еду. Еда — это же не ядерная физика. А про «кулинарный опыт» она и вовсе хмыкнула.

— Приветствуется, — пробормотала она, глядя на Колючку. — Слушай, опыт поедания кулинарных шедевров — это же тоже опыт? Я вон в прошлом году в «Праге» такой торт ела! Килограммами! Это ли не опыт?

Колючка промолчал, но Алиса расценила это как знак согласия. Она тут же села за составление резюме. В графе «навыки» она написала: «Отличное знание русской литературы, умение формулировать мысли, стрессоустойчивость (живу с кактусом), быстро печатаю». А в конце, подумав, приписала: «Готова учиться всему новому, в том числе и кулинарии. Огонь в глазах и на плите гарантирую».

Про огонь на плите она, конечно, слегка преувеличивала, но кто же проверять-то будет?

Остаток дня и всю ночь Алиса готовилась. Она скачала приложение с кулинарными терминами и пыталась заучить хотя бы несколько, чтобы не ударить в грязь лицом.

— Бланширование, — бормотала она, расхаживая по комнате. — Бланширование — это когда... Это типа с блендером связано? Бланш... Блендер... Блин.

К трём часам ночи она твёрдо знала, что «конфи» — это не новая марка телефона, а способ приготовления, а «жульен» — это не только грибы в сметане, но и способ нарезки. У неё даже начала складываться стройная картина мира, где все слова заканчивались на «е».

Она легла спать в четыре, поставив три будильника. И, конечно, проспала. Утром, проклиная тостер, который снова пытался устроить апокалипсис, и собственные кудри, которые встали дыбом от ужаса перед будущим, Алиса натянула единственное приличное платье, которое не было заляпано йогуртом, и понеслась навстречу судьбе.

Ресторан «Эстетика» находился в старинном особняке в центре. Ещё на подходе Алиса почувствовала себя неловко. Вывеска из матового стекла, строгие буквы, ни одного смайлика. Она поправила выбившуюся прядь и толкнула тяжёлую дверь.

Внутри было стерильно. Белые скатерти, хрустальные бокалы, идеально ровные стулья. Алиса, в своём цветастом платье и с вечно растрёпанными волосами, чувствовала себя микробом, случайно залетевшим в операционную. Метрдотель, высокий мужчина с лицом, не выражающим никаких эмоций, молча указал ей на дверь кухни.

— Шеф ждёт. Не опаздывайте. Он этого не любит.

— Я не опоздала, — пискнула Алиса, хотя часы показывали 10:02.

Она толкнула дверь кухни, и её накрыло волной звуков: шипение масла, стук ножей, приглушённые голоса. Но главное, что её накрыло, — это запах. Смесь трав, специй, мяса и чего-то невероятно сладкого. Кухня была огромной, сверкающей сталью и белым кафелем. Повара в белоснежных кителях двигались слаженно, как солдаты на параде. Алиса замерла, боясь сделать лишний шаг и нарушить эту идеальную гармонию.

В центре этого великолепия стоял ОН. Высокий, поджарый, с тёмными волосами, убранными под колпак, и с таким выражением лица, будто он только что обнаружил муху в собственном супе. Он повернулся к Алисе, и его взгляд, холодный, серый, как сталь его ножей, просканировал её с ног до головы. Алисе показалось, что в этом взгляде было всё: диагноз, приговор и место захоронения.

— Вы? — спросил он голосом, скрежещущим, как нож о точильный камень.

— Я! — бодро отрапортовала Алиса, чувствуя, как предательски дрожат коленки. — Алиса. Та самая, которая не разваривает пельмени.

Воронцов даже не улыбнулся. Он лишь приподнял одну бровь и кивнул на небольшой столик в углу кухни.

— Садитесь. Время — деньги. Поговорим.

Глава 2: Первое впечатление — оно самое возгораемое

Алиса послушно села на табурет, стараясь не вертеть головой, хотя ей отчаянно хотелось рассмотреть всё вокруг. Воронцов сел напротив, сложил руки на груди и уставился на неё. Молчание длилось целую минуту. Алисе показалось, что за эту минуту она постарела на десять лет.

— Ваше резюме, — наконец произнёс он, даже не глядя в бумажку, которую держал в руке, — полная ерунда. Ни одного стоящего проекта. Опыт работы в антикафе. Хобби — чтение книг. Вы хоть что-то умеете, кроме как читать?

— Я умею писать, — возразила Алиса, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Хорошо писать. Я филолог.

— Филолог, — повторил Воронцов так, будто это было ругательство. — Отлично. Значит, будете учить меня, где ставить запятые. Последняя филологиня пыталась научить меня любить природу через описание моркови. Я уволил её через час. Скажите, Алиса, — он подался вперёд, — что вы умеете делать на кухне? Честно.

Это был момент истины. Алиса могла бы сказать правду: я умею жарить яичницу, варить пельмени и макароны (иногда). Но правда не стоила бы ей этой работы. И тут её понесло.

— Ну, — начала она, нервно хихикнув, — вообще-то я неплохо готовлю. Даже очень. Моё коронное блюдо — ризотто с белыми грибами.

Воронцов замер. Его бровь поползла вверх ещё выше.

— Ризотто? — переспросил он тоном, не предвещавшим ничего хорошего. — С белыми грибами?

— Ага, — кивнула Алиса, чувствуя, как под ложечкой засосало от страха. — Секретный семейный рецепт.

Она даже не знала, зачем это сказала. Никакого семейного рецепта не существовало. Её бабушка лучшим блюдом считала жареную картошку с луком. Но слово не воробей, вылетит — не поймает.

Воронцов медленно встал, подошёл к огромной плите и жестом фокусника указал на неё.

— Прекрасно. Тогда покажите. — Он снял колпак, обнажив идеально уложенные волосы (конечно, у такого человека и волосы должны лежать идеально), и скрестил руки на груди. — Плита ваша. Ингредиенты в холодильнике. Время пошло.

Алиса встала. Ноги стали ватными. Сердце колотилось где-то в горле. Она подошла к плите, чувствуя на себе десятки взглядов. Все повара, которые до этого делали вид, что заняты, теперь украдкой наблюдали за этим представлением.

— Арборио, — сухо сказал Воронцов, кивая на мешок с рисом. — Белые грибы в холодильнике, шампиньоны не берите, не позорьтесь. Лук, чеснок, бульон. Сделайте мне идеальное ризотто. Al dente.

Алиса поняла только два слова: рис и грибы. Остальное было тайной, покрытой мраком. Она открыла холодильник и уставилась на гору продуктов. Где эти самые белые грибы? Они выглядят как обычные? Она схватила какие-то красивые сухие грибы в пакетике, решив, что они точно белые.

Дальше было хуже. Она понятия не имела, что рис для ризотто нельзя мыть. Она его тщательно промыла под краном, чем вызвала сдавленный всхлип у одного из повара. Воронцов молчал, но его молчание было громче крика.

Алиса включила конфорку. Не ту. Вместо того чтобы поставить сковороду на огонь, она поставила её на выключенную, а пустая сковорода на включённой конфорке начала угрожающе дымиться. Она металась, хваталась то за лопатку, то за нож, роняла всё подряд и пыталась вспомнить, что там делают с рисом. Кажется, его надо жарить? Она кинула промытый, мокрый рис на сковороду с маслом. Масло зашипело и начало стрелять в разные стороны, как салют. Алиса взвизгнула и отпрыгнула.

Она плеснула туда бульона, потом ещё, потом зачем-то добавила грибы. Рис, естественно, слипался в знак протеста против такого обращения. Он превращался в одну большую клейкую массу, которая упорно не хотела становиться ризотто.

Воронцов подошёл ближе, заглянул в сковороду и тихо, одними губами, произнёс:

— Это каша. Вы варите кашу.

— Это рисовая каша с грибами, — обречённо согласилась Алиса. — Тоже вкусно.

В этот момент масло, которое она налила в спешке, попало на открытый огонь соседней конфорки. Сковорода с «кашей» стояла на одной, а на другой, пустой, уже всюду полыхало масло. Языки пламени взметнулись вверх.

— Огонь! — крикнул кто-то.

Алиса запаниковала. Схватила первое, что попало под руку, — полотенце, — и отчаянно захлопала им по пылающей сковороде. Полотенце тут же загорелось. Она отбросила его в сторону и, размахивая руками, задела пакет с мукой, стоящий на краю стола. Пакет опрокинулся, и белое облако взорвалось прямо над плитой.

На секунду всё замерло. Пламя на мгновение погасло, но вместо него в воздухе повисло густое облако муки, смешанное с дымом. Алиса стояла в центре этого белого ада, покрытая слоем муки и саж, с выпученными от ужаса глазами. Она походила на призрак неудачливого кондитера.

И тут сработала противопожарная сигнализация. Пронзительный вой разорвал тишину. С потолка, от души, полилась вода. Настоящий ливень посреди кухни. Забегали официанты, влетел охранник с огнетушителем, готовый тушить всё и вся.

— Всё в порядке! Ложная тревога! — заорал Воронцов, пытаясь перекрычить сирену.

Вода заливала плиту, столы и несчастную Алису. Мука на её лице превратилась в тесто. Она стояла, сжимая в руке обгоревшую лопатку, и смотрела на Воронцова. С его идеальной причёски стекала вода, на белоснежном кителе расплывались мокрые пятна, а в глазах застыло выражение абсолютного, вселенского ужаса, смешанного с чем-то, отдалённо напоминающим... интерес?

Он медленно обвёл взглядом кухню: потоп, мука на стенах, обгоревшее полотенце на полу, толпа зевак и эту странную девушку, похожую на неудавшийся кекс.

Глава 3: Крах всех надежд (или их начало?)

— Вы... — голос Воронцова сорвался на хрип. Он глубоко вздохнул, и его крик, наконец, прорвал плотину сдержанности. — **ВЫ УВОЛЕНЫ!**

Это было громче сигнализации.

— Вы уволены ещё до того, как вас приняли! Вы! — Он ткнул пальцем в сковороду. — Это не ризотто! Это оскорбление итальянской кухни! Вы! — палец переместился на полотенце. — Вы чуть не сожгли мою кухню! Мою кухню! Вы... вы... — Он перевёл взгляд на потолок, с которого всё ещё капало. — Вы устроили потоп! Вы понимаете, сколько стоит ремонт оборудования? Вы вообще хоть что-то умеете делать, кроме как врать про семейные рецепты?

Алиса открыла рот, чтобы извиниться, но из него вырвался только всхлип. Она была похожа на жалкое, мокрое, обсыпанное мукой существо. Слезы смешивались с тестом на щеках и капали вниз.

— Вон! — рявкнул Воронцов, указывая на дверь. — Чтобы духу вашего здесь не было! И запомните навсегда: никогда, слышите, никогда не врите шеф-повару о своих кулинарных способностях! Это вопрос жизни и смерти!

Алиса выронила лопатку, развернулась и, всхлипывая, выбежала с кухни, оставляя за собой мокрые мучные следы.

Через полчаса Алиса сидела в дешёвой кофейне напротив ресторана. Она умылась в туалете, но её любимое платье было безнадежно испорчено, а гордость растоптана. Она заказала самый горький эспрессо, какой только был, и, не морщась, выпила его залпом. Горечь во рту казалась приторно-сладкой по сравнению с горечью в душе.

— Дура, — шептала она себе под нос. — Какая же я дура. Зачем я это сказала? Ну зачем? Сидела бы сейчас дома, пила чай с кактусом, и ничего бы не случилось.

Она мысленно прощалась с карьерой писателя. Кому она теперь нужна, с такой характеристикой? «Поджигательница ресторанов, врунья и бездарь». Всё, что оставалось, — идти работать в магазин или в тот же офис, куда её звали тараканы. От этой мысли хотелось выть.

Она уже допивала кофе и собиралась уходить в свою унылую жизнь, как вдруг её телефон завибрировал. Незнакомый номер. Алиса ответила, ожидая услышать маму или предложение по страховке.

— Слушаю, — сказала она осипшим голосом.

В трубке повисла пауза. Затем раздался сухой, скрежещущий голос, который она никогда бы не спутала ни с чем:

— Это Воронцов. Завтра в восемь утра. Не опаздывать. И, ради бога, не трогайте спички. Короткие гудки.

Алиса уставилась на телефон, как на привидение. Ей показалось, что это галлюцинация от стресса. Но номер в истории вызовов горел незнакомым огоньком. Её взяли? После всего этого? Или это ловушка? Способ довести дело до логического конца и лично утопить её в соусе?

Она не знала, что происходило на кухне после её ухода. А происходило вот что.

Когда Алиса выбежала, Воронцов ещё минуту стоял, глядя на разрушения. Потом он медленно перевёл взгляд на поваров. Те мгновенно сделали вид, что заняты уборкой. И тут, впервые за долгое время, Воронцов сделал нечто неожиданное. Уголок его губ дрогнул.

— Шеф, — осторожно спросил Су-Шеф, мрачный мужчина с лицом серийного убийцы, которого все за глаза звали «Мясник». — Нам вызвать службу уборки?

— Вызовите, — устало сказал Воронцов и пошёл в свой кабинет.

Там он сел в кресло и закрыл глаза. Пятнадцать ассистентов. Пятнадцать идеально правильных, вылизанных, грамотных девушек и юношей, которые дрожали перед ним, поддакивали и писали под диктовку скучнейшие тексты. А эта... Эта бестолочь. Эта катастрофа. Эта ходячая кулинарная авария.

Она его разозлила. Сильно. Но впервые за последние полгода он почувствовал что-то, кроме раздражения и тоски. Ему было... любопытно. К тому же, в голове всплыл разговор с издателем, который орал на него вчера: «Дмитрий, ваша книга сухая! Как крекер! Найдите соавтора, который вдохнёт в неё жизнь! Живого человека найдите, а не робота!».

Кажется, он нашёл живого человека. Очень живого. Настолько живого, что чуть не спалил его ресторан к чертям собачьим.

Воронцов открыл глаза, нашёл в столе её растёкшееся резюме, которое кто-то успел заляпать соусом, и набрал номер.

После звонка он сам себе удивился. «Зачем я это сделал? — спросил он своё отражение в тёмном мониторе. — Зачем мне этот головняк?». Ответ пришёл сам собой. Потому что работать с ней будет, мягко говоря, непросто. Но скучно точно не будет. А издатель требовал именно этого — нескучного соавтора. Кроме того, если она так же эмоционально и ярко, как тушила пожар, будет описывать процесс приготовления пищи, у него, возможно, получится не просто книга, а бестселлер.

Он посмотрел на список её «достижений» в резюме: «Огонь в глазах и на плите гарантирую». Что ж, огонь она гарантировала. Слово своё сдержала.

На следующее утро ровно в 7:59 Алиса стояла у входа в «Эстетику». На ней было другое платье, строгое, тёмно-синее, без единого пятнышка. Волосы она стянула в тугий пучок. Лицо выражало решимость смертника, идущего на казнь с гордо поднятой головой.

Воронцов уже ждал её. Он молча провёл её в свой кабинет, пахнущий кожей и дорогим кофе, и положил перед ней лист бумаги.

— Договор о ненападении, — сухо сказал он. — Читайте и подписывайте.

Алиса вчиталась в пункты:

«1. Я, нижеподписавшаяся, обязуюсь не подходить к плите, плите-гриль, фритюрнице и любой другой нагревательной технике ближе, чем на один метр.

1. Я обязуюсь не трогать спички, зажигалки и иные источники открытого огня.

2. Я обязуюсь не открывать холодильник без письменного разрешения шеф-повара.

3. В случае возникновения пожара по моей вине я обязуюсь самостоятельно оплатить ущерб или отработать его до конца своих дней.

4. Я обязуюсь не дышать в сторону продуктов, так как моё дыхание может вызвать их преждевременную порчу (шутка, но лучше перестраховаться)».

— Последний пункт — шутка, — холодно заметил Воронцов, видя её округлившиеся глаза. — Почти.

Алиса подписала, не читая. Выбора у неё всё равно не было.

— Поздравляю, — сказал Воронцов, убирая договор в стол. — Вы приняты. Теперь слушайте сюда. Вы будете записывать за мной всё, что я говорю. Рецепты, технологии, мысли, философию. Вы будете переводить мой кулинарный язык на человеческий, чтобы книгу мог прочитать и понять обычный идиот. И если вы, — он поднял палец, — хоть раз соврёт мне про свои навыки, я уволю вас без выходного пособия. Всё ясно?

— Ясно, — пискнула Алиса, чувствуя, как адреналин закипает в крови. У неё есть работа! У неё есть шанс!

— Отлично. Тогда пойдёмте. Я покажу вам ваше рабочее место.

Глава 4: Теория большого взрыва (личного пространства)

Воронцов повёл Алису по кухне. На этот раз она шла осторожно, стараясь не делать резких движений и не дышать на продукты. Кухня уже была приведена в идеальный порядок, будто вчерашнего апокалипсиса и не бывало.

— Это холодный цех, — Воронцов указывал рукой, и Алиса, как примерная ученица, всё записывала в новый блокнот, который купила специально для работы. — Здесь готовятся закуски и салаты. Температура строго контролируется.

Но на самом деле она не слушала. Она смотрела на его руки. Длинные пальцы с идеально подстриженными ногтями, которые сейчас указывали на разделочные доски. Вчера эти руки виртуозно управлялись с ножами, а сегодня... Сегодня она заметила, как он поправляет очки, когда говорит о важном. Тонкая оправка, умный взгляд... Алиса тряхнула головой, отгоняя наваждение. Он — тиран. Он — деспот. Он вчера на неё орал так, что стены дрожали.

— Это горячий цех, — продолжал Воронцов. — Сердце ресторана. Прошу вас, — он сделал ударение на «прошу», — в ближайшее время сюда не соваться. Особенно когда плита включена.

— А если я буду очень аккуратно? — ляпнула Алиса и тут же прикусила язык.

Воронцов остановился и медленно повернулся к ней. Его взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Ваше «аккуратно» мы вчера видели. Так что нет.

Воронцов подозвал к себе двух человек. Первым был Су-Шеф, он же «Мясник». Настоящее имя у него, конечно, было — Игорь Петрович, но никто его так не называл. Это был огромный мужчина с руками-лопатами и лицом, которое, казалось, никогда не улыбалось. Он мрачно кивнул Алисе и буркнул что-то нечленораздельное.

— Игорь Петрович отвечает за мясо, — пояснил Воронцов. — Если он попросит вас что-то принести из морозилки, бегите со всех ног. Иначе рискуете сами там оказаться.

Шутка? Или нет? Алиса решила, что лучше не проверять.

Второй была Леночка, кондитер. Миниатюрная, с пухлыми щечками и хитрым прищуром глаз. Она сразу же тепло улыбнулась Алисе.

— Лена, — представилась она. — Если будет грустно, заходи, угощу пробниками. От них ещё никто не умирал, только толстел.

Алиса почувствовала в ней родственную душу. Пока Воронцов отвернулся, Леночка шепнула ей на ухо:

— Главное правило выживания здесь: никогда не стой у него на пути, когда он пробует соус. Он в этот момент становится невменяемым. Может откусить голову. В прямом смысле.

Алиса нервно сглотнула и кивнула.

— А вот здесь, — Воронцов распахнул дверь в подсобное помещение, и Алиса чуть не заплакала.

Это была крошечная комнатка, заставленная коробками, мешками и банками. Пахло луком, чесноком и чем-то солёным. В углу стоял старый письменный стол, заваленный накладными, а на стуле громоздился мешок картошки.

— Это моё рабочее место? — уточнила Алиса, надеясь, что она ослышалась.

— Да. Здесь тихо, никто не мешает. И, — он усмехнулся уголком губ, — вы далеко от плиты. Безопасно.

— Офис с открытым овощным пространством, — пробормотала Алиса себе под нос.

— Что?

— Ничего. Всё замечательно. Спасибо.

Она сгребла картошку со стула, водрузила её на пол и села. Мешок, видимо, решил, что ему здесь не место, и завалился набок, рассыпав несколько клубней по полу. Воронцов наблюдал за этим с каменным лицом.

— Осваивайтесь. Через час начнём записывать рецепты.

Он ушёл, а Алиса осталась одна в компании картошки, лука и внезапно нахлынувшего осознания: это её жизнь теперь. Подсобка вместо офиса, тиран вместо начальника, и запрет на приближение к плите. Но это работа. Это шаг к мечте. Она погладила шершавый бок картофелины и прошептала:

— Ну что, Колючка, будем выживать.

Ровно через час Воронцов появился в дверях подсобки с видом завоевателя.

— Идёмте. Будем записывать «Цезарь».

Они прошли в его кабинет. Здесь было идеально: кожаное кресло, стол из тёмного дерева, стерильный порядок. Ни одной лишней бумажки. Воронцов сел за стол, Алиса примостилась на стуле напротив, раскрыв блокнот.

— Диктуйте, — сказала она, приготовив ручку.

— Куриное филе, — начал Воронцов со скоростью пулемёта. — Двести граммов. Салат Романо, лучше корн, но можно и айсберг, если рукожопы из поставки опять всё перепутают. Пармезан, только свеженатёртый, никаких пакетов. Соус: яйцо, масло оливковое extra virgin, дижонская горчица, анчоусы, каперсы, вустерский соус, чеснок, лимонный сок.

— Стоп-стоп-стоп! — Алиса лихорадочно строчила. — Вустерский? А это точно не «устерский»? А анчоусы — это те маленькие солёные рыбки?

Воронцов тяжело вздохнул, как учитель, понявший, что ему достался класс коррекции.

— Да. Маленькие солёные рыбки. Записывайте дальше. Гренки. Чеснок, багет, оливковое масло...

К концу диктовки блокнот Алисы был исписан каракулями, перемежающимися вопросами: «Что такое корн?», «Дижонская — это которая?», «А каперсы — это ягоды?».

— На сегодня хватит, — устало сказал Воронцов, глядя на её блокнот. — Завтра принесёте расшифровку. Читаемо. Надеюсь.

Алиса кивнула и направилась к выходу. Дверь была узкой, а Воронцов встал одновременно с ней. Она попятилась, он шагнул вперёд, и в проёме они столкнулись.

Это было похоже на замедленную съёмку в фильме-катастрофе. Алиса, пятясь, задела локтем чашку с чаем, которую сама же и принесла пять минут назад (Воронцов даже не приронул к ней, разумеется). Чашка красиво, почти торжественно, взлетела в воздух и опрокинулась прямо на белоснежный китель шеф-повара.

Тёплая коричневая жидкость растеклась по идеальной ткани, пропитывая её насквозь. Алиса замерла, глядя на это пятно, как на лужу крови после убийства. Первая мысль: «Меня убьют. Вот сейчас, прямо здесь, без свидетелей». Вторая мысль была странной: «А он ничего так... когда не орёт».

Он не орал. Он смотрел на своё отражение в тёмном мониторе, на пятно, и медленно, очень медленно переводил взгляд на неё.

— Я... я сейчас... полотенце! — Алиса заметалась по кабинету.

— Стоять, — приказал Воронцов ледяным тоном. — Не двигайтесь. Вы уже достаточно навредили на сегодня.

Он снял китель, оставшись в простой белой футболке, которая облегла его плечи так, что Алиса на секунду забыла, как дышать. Футболка, кстати, тоже пострадала, но меньше.

Воронцов повесил китель на спинку стула, взял салфетки и начал промокать пятно. Алиса стояла истуканом.

— Вы... вы простите меня, — выдавила она. — Я неуклюжая. Я заплачу за химчистку.

— Забудьте, — отрезал он, не глядя на неё. — Идите работайте. И в следующий раз, когда будете выходить из кабинета, смотрите по сторонам. А лучше — стойте на месте и ждите, пока выйду я.

Алиса выскользнула за дверь, прижимая блокнот к груди. Сердце колотилось, как бешеное. «Он ничего так... когда не орёт», — эта мысль застряла в голове и никак не хотела уходить.

Вечером, сидя в своей подсобке и расшифровывая рецепт, она поймала себя на том, что улыбается. Вспоминала не его крик, не ужас от пролитого чая, а то, как он стоял в футболке, вытирая пятно. И как мелькнуло что-то тёплое в его глазах, когда он сказал «забудьте».

Глава 5: Уроки кулинарной грамоты для чайников

Прошла неделя. Алиса постепенно осваивалась в новой реальности. Она научилась лавировать между коробками в подсобке, выучила имена всех поваров (Мясник так и остался Мясником, даже в мыслях) и даже перестала вздрагивать при появлении Воронцова. Почти.

Однажды утром он застал её за расшифровкой очередного рецепта и неожиданно сказал:

— Хватит. Идёмте на кухню.

— Но договор! Плита! Метр! — запаниковала Алиса.

— Я помню. Вы будете стоять и смотреть. Но чтобы описывать процесс, нужно его понимать. Хотя бы на базовом уровне.

Он привёл её в холодный цех, когда там никого не было, и достал набор ножей. Алиса с ужасом уставилась на сверкающие лезвия.

— Это нож для овощей, — Воронцов взял в руки небольшой нож с коротким лезвием. — Им чистим и нарезаем. А это нож для мяса. Длинный, тонкий. Им разделяем. Ни в коем случае не путайте.

— А это? — Алиса указала на самый огромный тесак.

— Это для рубки костей. Для людей не подходит, слишком тупой. Для людей у меня другие инструменты, — он посмотрел на неё с непроницаемым лицом.

Алиса нервно хихикнула. Шутит? Или предупреждает?

— Держите, — он протянул ей маленький овощной нож. — Попробуйте почистить морковь.

Рука Алисы дрожала. Она взяла нож так, будто это была боевая граната. Воронцов встал сзади (слишком близко, по мнению Алисы, которая почувствовала запах его парфюма — свежий, с нотками цитруса) и положил свою руку поверх её, поправляя хват.

— Не сжимайте так сильно. Расслабьте пальцы. Нож должен быть продолжением руки, а не врагом.

Его голос звучал прямо над ухом. Алиса перестала дышать. Морковь, казалось, тоже замерла в ужасе.

— Вот так, — он провёл её рукой, срезая тонкую полоску кожуры. — Видите? Легко.

— Вижу, — прошептала Алиса, хотя видела только его пальцы на своей руке.

Следующим испытанием стал лук. Воронцов поставил перед ней разделочную доску, гору луковиц и сказал:

— Режьте мелким кубиком. Это основа основ.

Алиса бодро взялась за дело. Первые три минуты она держалась молодцом. Потом глаза защипало. Ещё через минуту слёзы потекли ручьём.

— Я... я не плачу! — всхлипывала она, размазывая слёзы по щекам рукавом. — Это лук!

Воронцов молча наблюдал за этим представлением. Потом, вздохнув, достал из ящика чистый носовой платок и протянул ей.

— На.

Алиса шмыгнула носом и взяла платок. Он был идеально выглаженным и пах так же, как и он сам.

— Спасибо, — пробормотала она, промокая глаза.

Когда она подняла голову, то успела заметить, как он быстро отвернулся, пряча улыбку. Она готова была поклясться, что уголок его губ дрогнул. Ледяной шеф улыбнулся? Этого не может быть.

Однажды Воронцов устроил ей лекцию о яйцах. Он достал коробку с десятком яиц и начал вещать, как заправский профессор:

— Яйцо пашот. Варится без скорлупы в кипящей воде с уксусом. Белок должен схватиться, желток остаться жидким. — Он ловко разбил яйцо в миску и отправил его в кипящую воду. Через три минуты извлёк идеальный белый мешочек. — Вот.

Алиса смотрела на это, как на магию.

— А это кокот. Яйцо, запечённое в сливках. Часто с добавками. — Он разбил яйцо в маленькую формочку, залил сливками и отправил в духовку. — И банальная болтунья, или скрембл. Главное — не пересушить.

— А это, — Алиса ткнула пальцем в пашот, — я бы назвала «мешочек счастья». Потому что внутри него спрятана радость.

Воронцов замер. Потом медленно достал свой блокнот (у него тоже был блокнот, только чёрный и строгий) и записал: «Мешочек счастья».

— Что вы делаете? — удивилась Алиса.

— Записываю. Это в книгу пойдёт. Хорошая метафора.

Алиса почувствовала гордость. Её метафору оценили!

Через две недели тренировок (исключительно под надзором и без доступа к плите) Воронцов допустил её до варки макарон.

— Это самое простое, что есть в кулинарии, — напутствовал он. — Вскипятить воду, посолить, бросить пасту, варить ровно столько, сколько написано на пачке. Если вы и это испортите, я уволюсь к чёрту.

Алиса священнодействовала. Она замеряла воду по стаканам, соль отмеряла ложкой (без горки!), макароны бросала, когда вода закипала бурным ключом. Засекла время по телефону. И, о чудо! Через девять минут она слила воду и получила идеальные, упругие, не слипшиеся спагетти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.